

АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ

Пэлем Гренвилл

ВУДХАУС

О ПОЛЬЗЕ ОПТИМИЗМА

*Первая русская биография автора
Дживса и Вустера*

Александр Яковлевич Ливергант Пэлем Гренвилл Вудхаус. О пользе оптимизма Серия «Литературные биографии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64064387

*А. Я. Ливергант. Пэлем Гренвилл Вудхаус. О пользе оптимизма: ООО
«Издательство АСТ»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127515-0*

Аннотация

Александр Ливергант – литературовед, переводчик, главный редактор журнала «Иностранная литература», профессор РГГУ. Автор биографий Редьярда Киплинга, Сомерсета Моэма, Оскара Уайльда, Скотта Фицджеральда, Генри Миллера, Грэма Грина, Вирджинии Вулф.

Новая книга «Пэлем Гренвилл Вудхаус. О пользе оптимизма» – первый на русском языке портрет крупнейшего английского юмориста XX века в литературном, театральном, общественном и политическом интерьере эпохи.

Долгая жизнь и необъятное по объему (более ста книг) и насыщенности творчество создателя легендарных Дживса и Вустера, писавшего на протяжении трех четвертей прошлого века, – пример материального, семейного и творческого

благополучия, не имеющий равных в истории литературы. Но поистине безоблачный оптимизм, отрешенность от жизни, сговорчивость и невиданное трудолюбие принесли Вудхаусу, как убедится читатель, не только «пользу», но и немало разочарований.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

От автора	6
Вместо предисловия	8
Пролог	13
Часть I	17
Глава первая. «Детство – лучше некуда»	17
Глава вторая. «Шесть лет блаженства»	29
Глава третья. «Отвратительная тайна», или «Я знал, что у меня получится»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Ливергант Пэлем Гренвилл Вудхаус. О пользе оптимизма

© Ливергант А. Я.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

От автора

Многие зарубежные классики входят в русскую литературу не одни, а «рука об руку» со своим постоянным переводчиком. Своим русским полпредом, посредником, без которого они не стали бы фактом русской культуры. Так нерасторжимой парой с переводчиком и ходят. Данте – с Лозинским. Шекспир – с Пастернаком. Сервантес – с Николаем Любимовым. О. Генри и Стивенсон – с Корнеем Чуковским. Вирджиния Вулф – с Еленой Суриц. Фолкнер – с Виктором Голышевым. Музиль, Гессе и Томас Манн – с Соломоном Аптом.

А Честертон и Вудхаус – с Натальей Трауберг. Комические идиллии лучшего английского комика XX века Пэлама Гренвилла Вудхауса получают в переводе Н. Трауберг лучше, чем у других, не менее маститых переводчиков. Трауберг Вудхауса любила и тонко чувствовала.

Ее памяти и посвящается эта книга.

Для автобиографии нужны чудаковатый отец, несчастливое детство и жуткая школа. У меня ничего такого не было. Отец – нормален, как рисовый пудинг, детство – лучшее некуда, а школа – шесть лет блаженства¹.

Пэлем Гренвилл Вудхаус

¹ Пер. Н. Трауберг.

Вместо предисловия

Всентябре 1915 года крупный литературный филаделфийский журнал «The Saturday Evening Post» напечатал рассказ жившего в это время в Америке 33-летнего английского писателя-юмориста Пэлама Гренвилла Вудхауса. Рассказ, называвшийся «На выручку юному Гасси» (спустя полтора года он войдет в сборник «Левша на обе ноги», вышедший в лондонском издательстве «Мэтьюэн»), ничего особенного собой бы не представлял, если бы не две короткие, незначительные реплики. Сначала немолодой уже, недавно принятый на работу дворецкий сообщает своему хозяину: «Вас желает видеть миссис Грегсон, сэр». А затем, когда его хозяин, юный повеса, в свою очередь, извещает дворецкого, что они едут в Америку, берет, как дворецкому и полагается, под козырек: «Очень хорошо, сэр. Какой костюм вы наденете?»²

Кто бы мог предвидеть, что эти проходные реплики войдут в анналы английской литературы? А между тем именно это и произошло, ибо они ознаменовали собой рождение знаменитой пары: Дживса и Берти Вустера, а заодно и «железной женщины» тети Агаты, «у которой акулий глаз и твердые моральные устои». Это тетя Агата посылает племянника в Нью-Йорк образумить своего кузена Гасси, который по

² Пер. И. Бернштейн.

легкомыслию влюбляется в заштатную артистку бродвейского варьете.

Читатели сентябрьского номера «The Saturday Evening Post» за 1915 год вряд ли обратили внимание на почтительного дворецкого, которого теперь знают и почитают во всём мире. Его роль в рассказе слишком незначительна, да и какая юмористическая история обходится без ушлого слуги и легкомысленного и недалекого хозяина, который без своего фактотума шагу ступить не может, – вспомним хотя бы «Фигаро здесь, Фигаро там».

«Теперь, когда я столько всего о нем написал, – отметит Вудхаус спустя полвека в авторском предисловии к «Миру Дживса» (1967), антологии романов и рассказов с участием прославленного дворецкого, – кажется забавным, как тихо и незаметно вошел Дживс в мою жизнь... В полной мере я представил его себе несколько позже... Я краснею от мысли, что во время нашей первой встречи я обошелся с ним столь бесцеремонно»³.

Да, действительно, довольно бесцеремонно: наградил великого Дживса всего двумя незапоминающимися репликами. Но уже в следующих рассказах этих лет – «Лодырь Рокки и его тетушка», «Командует парадом Дживс», «Спасем

³ Здесь и далее все цитаты даются в собственном переводе автора, если не указано иного.

Фредди», «Дживс и незванный гость» – Дживс и Вустер обретают реальные очертания, выходят на первый план, оттесняя на второй остальных действующих лиц. Теперь и мы представляем их себе «в полной мере». Их внешность, стиль поведения, язык и, главное, отношения между собой. В этих ранних «дживсовско-вустерских» рассказах и запущена фабула, которая будет потом безотказно действовать на протяжении многих лет, в десятках романов, шоу и кино-сериалов.

На авансцене неизменно присутствуют находчивый, немногословный, осмотрительный («Я бы затруднился, сэр, вот так, сразу, вносить предложения»), никогда не вступающий в спор, лояльный дворецкий Дживс. Волосы – черные, походка – бесшумная (не ходит – плывет), в руках – поднос с зельем от похмелья собственного изготовления. На лице выражение, «которое с натяжкой можно принять за улыбку», вид «величественно-отрешенный» – особенно когда обижен.

И его хозяин: светский хлыщ, болтун, хвастун, лентяй, пьяница, «бесхребетное беспозвоночное», как называет племянника тетя Агата. Полный на словах воинственного задора, Берти Вустер чуть что теряет дар речи: «Меня точно волной окатило!» Нет, он не глуп, находчив, знает себе цену (довольно, прямо скажем, невысокую): «Я, конечно, может, и обормот». И испытывает глубокое уважение к «аналитическому уму» своего всезнающего дворецкого, во всём его слушается, хотя может и взбрыкнуть, и больше всего боит-

ся, что станет его рабом, чистосердечно признаётся: «Дживс ужасно меня подавляет». Привычные роли хозяина и слуги, таким образом, переворачиваются в этом юмористическом цикле с ног на голову.

Вустер неводержан, чуть что – переходит на крик, в его сбивчивой речи – сплошные междометия, чертей он поминает через слово. Дживс, напротив, сдержан, он весь «усердие и внимание», изъясняться предпочитает на канцелярите – словно бы в укор Вустеру: «На основании вышеупомянутых отчетов, в качестве необходимого условия для получения денег вменяется в обязанность...» Такого, как Дживс, правильного, осмотрительного, такой, как Вустер, не может не раздражать. Дживс не переносит, когда джентльмены неряшливы, ленивы, болтливы, безвкусно одеваются, – но для хозяина, естественно, делает исключение; при этом незаметно, подчеркнуто вежливо берет на себя еще и воспитательную функцию. Подсказывает Вустеру, как себя вести, каковы должны быть его действия, что следует сказать, что и по какому случаю надеть: «Я бы настоятельно советовал сменить этот галстук». Человек начитанный, он рекомендует, что читать, а чаще – что *не* читать: «Вам не понравится Ницше, сэр». Его лицо при этом выражает «сдержанную благожелательность». О чем он думает, когда видит хозяина в розовом галстуке и зеленом пиджаке или же «в разобранном состоянии» после бурных возлияний накануне, остается только догадываться. Даже когда отношения с хозяином на-

пригаются до предела (чаще всего это бывает в самых первых рассказах, когда герои, так сказать, еще «не притерлись»), на лице Дживса по-прежнему запечатлены всегдашние лояльность и преданность: дворецкий как никто владеет чисто английским искусством держать себя в руках в любых обстоятельствах. Впрочем, если Вустер к его рекомендациям не прислушивается, Дживс может обидеться: будет дуться, отвечать односложно, сторониться хозяина.

Кстати об отношениях «хозяина и работника». Они также развиваются по одной и той же, раз и навсегда заданной схеме. Поначалу Вустер Дживса недооценивает, подозревает, что дворецкий дал маху, зашел в тупик. Однако впоследствии, сообразив, что многоопытный Дживс всё предусмотрел (а дворецкий способен на такое, чего от него не ждут), признаёт, что был к своему слуге несправедлив, и рассыпается в комплиментах.

«Дживс, вы неподражаемы» – «Стараюсь, сэр». Таков бравадный финал всех без исключения историй с участием Дживса и Вустера, в какие бы безвыходные ситуации эта парочка ни попадала.

Пролог

И Коко, и Чудик были настроены самым решительным образом. Коко нахохлился, изловчился и клюнул немецкого лейтенанта, заглянувшего в машину выяснить, кто в ней. Он (попугай, не лейтенант) и без того пребывал в скверном расположении духа: хозяйка леди Дадли взяла и два месяца назад, в конце марта, укатила в Англию – даже «до свидания» Коко не сказала. Чудику, обласканному хозяевами китайскому мопсу, белобрысый лейтенант – высокий, подтянутый, истинный ариец – не понравился сразу же. Раздалось грозное рычание – и ариец, схватившись за укушенный палец и издав истошный вопль, эхом разнесшийся в дюнах приморского французского курортного городка Лэ-Тукэ, отшатнулся от грузовичка, на котором Вудхаусы выехали купить овощей. А еще говорят, что стремительно наступающая весной 1940 года в обход линии Мажино доблестная немецкая армия не встречала сопротивления.

Было, однако, не до смеха. Ни немцам, в следующую минуту попятившимся в заросли придорожного кустарника: еще больше, чем мопс с попугаем, их напугала показавшаяся в небе британская эскадрилья. Ни сидевшим в машине. Впрочем, занимавшему пассажирское сиденье (за рулем – как правило, супруга) 59-летнему Пэлему Гренвиллу Вудхаусу до смеха было всегда и везде – недаром же за ним с

двадцатых годов утвердилась репутация крупнейшего в мире юмориста. По тому, как он много позже опишет происшедшее в «Апологии», видно, что чувство юмора не подвело его и на этот раз.

«Все шло к тому, что сейчас начнется воздушное сражение: из кустов будут палить из автоматов по самолетам, а самолеты будут палить из пулеметов по кустам — мы же окажемся ровно посередине. Поделаться мы всё равно ничего не могли, оставалось только одно — ждать. И мы ждали. И надеялись, что скрывшиеся в кустарнике примут меры предосторожности и вести себя впредь будут пристойно, что, по счастью, и произошло. Когда самолеты улетели, люди с автоматами вышли на шоссе и принялись отряхивать форму, изо всех сил делая вид, будто в кусты они забрались в поисках грибов. Я заметил, что Чудик по-прежнему рвется в бой: в его глазах мерцало неугасимое пламя кровавой битвы, губы шептали отборные китайские ругательства...»

Английские самолеты, как видно, отвлекли от нас лейтенанта, и мы поехали дальше. Стоило нам, однако, свернуть на Авеню-дю-Гольф, как... будь я проклят, если прямо перед нашей машиной не выросли всё тот же лейтенант и те же солдаты. Ситуация складывалась не самая благоприятная. Мы вновь остановились и воззрились на них, а они остановились и воззрились на нас — на этот раз, правда, куда бо-

лее пристально. В том, что происходило в эти мгновения в уме лейтенанта, не было для меня ничего загадочного: он и его люди наверняка являются объектом преследования со стороны неизвестного транспортного средства. Не исключено также, что английские самолеты прилетели на сигналы, которые подавались из этого подозрительного грузовика. Да, теперь у него не оставалось никаких сомнений: в машине прячутся солдаты противника. Лейтенант, тем не менее, на рожон решил не лезть. На этот раз он остановился на почтительном расстоянии от нашей машины и приказал сержанту ее обыскать. Сержант, человек, вне всяких сомнений, незаурядного ума, залезать в машину не стал, а ограничился тем, что посмотрел через стекло, что делается внутри. И когда Чудик, призывно таякнув, метнулся в его сторону, заметно побледнел. Удостоверившись, что в машине, кроме нас, никого нет, лейтенант разрешил нам вернуться домой.

И всё же история получилась не слишком приятная, мы чувствовали, что впечатление произвели не самое лучшее».

Прославленному автору Дживса и Вустера даже в голову не могло прийти, чем кончится эта «не слишком приятная история», случившаяся в мае 1940 года в Лэ-Тукэ, где Вудхаус незадолго до войны купил дом. Вудхаус, что ничуть не удивительно, боялся немцев (от этого, быть может, и шутил, ведь есть мнение, что смехом мы защищаем себя от грядущих бед).

щей опасности), а надо было бояться не немцев, а соотечественников. Ибо когда тебя боготворят, когда с неизменным восторгом глотают твои книги, когда вручают почетную степень доктора Оксфордского университета – предательства своему кумиру, воплощению национального духа, не прощают.

Часть I

Глава первая. «Детство – лучше некуда»

Своим недюжинным физическим и психическим (завидная беззаботность, переходящая в беспечность) здоровьем Плам, как с детства звали Пэлема Гренвилла, обязан был в равной степени деду Филипу, полковнику, отличившемуся при Ватерлоо, и отцу Эрнесту, так же, как все Вудхаусы, с незапамятных времен верой и правдой служившим короне. Как именно предки служили короне, наш герой толком не знает, да и не слишком своей родословной интересуется.

«Мои предки, как и все приличные люди, делали что-то такое при Азенкуре и Креси», – несколько невнятно, словно бы мимоходом говорится в автобиографии «За семьдесят».

Эрнест, правда, как и его братья, служил короне на некотором от нее отдалении. Без малого тридцать лет проработал он в Гонконге колониальным чиновником (а его братья – в Сингапуре и Калькутте) и на родину возвратился, выйдя в отставку, лишь в 1895 году, когда его третьему по счету сыну

было уже четырнадцать.

Зато мать, урожденная Элеонор Дин, десятая из тринадцати детей (и восьмая дочь) приходского священника из Бата, в дальнейшем – викария прихода Святой Елены в Лондоне Джона Батерста Дина, была не в пример своему покладистому мужу женщиной суровой, решительной, своенравной и уж точно не беззаботной – такую с рисовым пудингом⁴ никак не сравнишь. И в то же время не лишенной, как, впрочем, и все младшие Дины, творческой жилки. В детстве она увлекалась театром, занималась живописью и, говорят, делала успехи. Главным, однако, успехом ее жизни стали не сцена, портрет, пейзаж или натюрморт, а гонконгский судья Эрнест Вудхаус. В 1876 году, втайне надеясь выйти замуж, пусть и вдали от родины, Лил (домашнее имя Элеонор) отправилась в Гонконг в гости к брату и своего шанса не упустила. Женила на себе мирового судью Вудхауса, который, собственно, особого сопротивления не оказал – не зря же Элеонор, которую после вступления в брак стали именовать «Шанхайка Лил», за безапелляционность и властность, проявившиеся с ранней молодости, прозвали «*memsahib*» – «повелительницей». Не с матери ли – высокой, угловатой, не улыбочливой, будет писать Вудхаус портреты своих властных, своенравных героинь? Таких, как леди Констанс и леди Гермiona в романах из Блэдингского цикла. Или леди Дафна Винкворт из романа «Брачный сезон». Или грозная тетя

⁴ См. эпиграф к настоящему изданию. – *Ред.*

Джулия; грозная, но наивная: ее любимый племянник, прохвост Стэнли Акридж, не раз обводил тетушку вокруг пальца – на всякого мудреца довольно простоты. Или тетя Берти Вустера Агата, чье имя в Англии стало нарицательным, «гроза Понт-стрит» с «глазом, как у рыбы-людоеда, и твердыми моральными устоями». Тетя Агата, впрочем, больше, пожалуй, походила не на «Шанхайку Лил», а на ее старшую сестру, старую деву, «грозу моего детства», как вовсе не в шутку назовет ее впоследствии племянник.

«Повелительница» родила Эрнесту четырех наследников. Сначала – трех погодков: Филипа Певерила (Пева), родившегося вскоре после свадьбы родителей в 1877 году, Эрнеста Армина (1879) и Пэлема, который родился раньше срока, 15 октября 1881 года, когда Элеонора гостила у сестры в Гилфорде, графство Суррей, и которого по возвращении в Гонконг она незамедлительно отдала кормилице-китаянке. А гораздо позже, спустя одиннадцать лет, незадолго до возвращения Вудхаусов в Англию, – Ричарда Ланселота, любимца матери. Родить родила, но занималась – по крайней мере, первыми тремя сыновьями – не слишком усердно. Да и как уделять им внимание, когда от детей, которых лишь первое время пестовали китайские мамки и няньки, а затем отправили учиться в Англию, «любящих» отца и мать отделяли многие тысячи миль?

Родителями Элеонор и Эрнест оказались и в самом деле довольно прохладными, и такими их запечатлел в своих кни-

гах Вудхаус. Человек, по отзывам его знавших, мягкий, добродушный, «смирный», как сам же как-то себя охарактеризовал, он тем не менее не питал к родителям особой нежности – правда, признавал, что отец во многом шел ему и братьям навстречу. Когда мать овдовела, пишет один из самых авторитетных современных биографов Вудхауса, писатель Роберт Маккрам⁵, он за десять лет побывал у нее лишь однажды. Отношение Вудхауса к родителям передалось и его героям:

«На свете не было, пожалуй, ни одного человека, которого distinguished Фредди хотел видеть меньше, чем своего родителя» («Замок Бландингс и его обитатели», 1935).

«Мать была для нас чужим человеком», – вспоминал Вудхаус в старости, и в этом чистосердечном, невеселом признании не было, по существу, ничего удивительного. С трех до пятнадцати лет своих родителей Плам видел в общей сложности не больше полугода. В 1883 году двухлетнего Плама и двух его старших братьев Эрнест и Элеонор, отправившись в Англию в отпуск, привезли в Бат и там препоручили заботам некоей мисс Роупер – олицетворения Чистоты и Порядка, прототипа главной героини рассказа Вудхауса «Портрет блюстительницы дисциплины»:

⁵ Robert McCrum. Wodehouse. A Life. W. W. Norton & Company, N.Y. – London, 2004.

«К тому же может ли впечатлительный мужчина чувствовать себя свободно в обществе женщины, которая частенько шлепала его тыльной стороной щетки для волос?»⁶

Очень может быть, что мисс Роупер, отдаленно напоминавшая Элеонор Дин, и распускала руки во имя Чистоты и Порядка и, как сказано в романе Вудхауса «Джентльмен без определенных занятий», «разговаривала, как будто кусалась»⁷, но садисткой не была. В отличие от Розы Холлуэй, жестокой и вздорной ханжи, истязавшей за двенадцать лет до этого шестилетнего Редьярда Киплинга, точно так же брошенного жившими в Индии родителями на попечение чужого человека, а попросту говоря – на произвол судьбы. Судьба, впрочем, была несправедлива далеко не только к классикам английской литературы. Согласно давней традиции, дети из английских семей, живших за пределами отечества, воспитание и образование должны были получать на родине – а что такое для англичан традиция, объяснять вряд ли стоит. Вот и получалось, что люди чужие и совершенно незнакомые (нередко найденные, как мисс Роупер, по объявлению в газете) приобретали нежданно-негаданно статус близких родственников. Тех, кого англичане называют *foster parents*

⁶ «Портрет блюстительницы дисциплины». Пер. И. Гуровой // П. Г. Вудхаус. Знакомьтесь: мистер Муллинер. М.: АСТ, 2018. С. 162.

⁷ Пер. М. Лахути.

– приемными родителями. Не тогда ли, в пансионе мисс Роупер в Бате, формируется склонность Плама к уединению, замкнутости, самодостаточности?

Как бы то ни было, в следующий раз Филип Певерил, Эрнест Армин и Плам увидели родителей лишь спустя три года, когда те приехали в Англию на вручение отцу ордена Святых Михаила и Георга за Китайский павильон, который Эрнест оборудовал для Выставки достижений Индии и других колоний Британской империи. Тогда-то на смену «кусавшейся» мисс Роупер пришли сёстры Кларисса и Флоренс (Сисси и Флорри) Принс. Старые девы, они держали вместе со своим отцом, 75-летним начальником станции на пенсии, маленький пансион-интернат Элмхёрст-скул, располагавшийся в тесном, невзрачном домишке в «швейцарском стиле» в пригороде Кройдона, в имении «Шале», в живописном графстве Суррей. «Индийскую школу», как тогда называли подобные учебные заведения для детей, чьи родители работали за границей, главным образом в Индии. Рассчитана была кройдонская «индийская» школа всего на шесть учеников, из которых половину составляли юные Вудхаусы. Мисс Роупер любила порядок и за его нарушение могла строго спросить, но особой прижимистостью не отличалась. Сёстры же (даром что Принсы) экономили буквально на всём. Спустя много лет Вудхаус вспоминал, что в Элмхёрсте одно вареное яйцо делилось на шесть частей по числу учеников, и что он так мучился от голода, что постоянно высмат-

ривал, где бы стянуть лишний кусок, и однажды не выдержал и украл с близлежащего поля репу, был пойман и примерно наказан.

И всё же, в отличие от Киплинга, называвшего дом своих опекунов в Лорн-Лодже под Портсмутом «Домом отчаяния», Плам, живя «в людях», страдал не слишком: с фотографий тех лет на нас смотрит опрятный крепыш с ясными, широко посаженными глазами и массивным подбородком – ставшим со временем выгодной мишенью для карикатуристов. Выручали Плама всё те же природная отцовская беззаботность и несокрушимый оптимизм – идеальный способ ухода от суровой действительности. Оптимизм, которого, к слову, так не хватало собратьям по перу, и не только Киплингу, но и Моэму, Гектору Хью Манро (Саки), Грэму Грину, Оруэллу, принесенным в жертву славной британской традиции воспитания детей «на стороне», а заодно – родительским независимости и здравому смыслу.

«Мое детство с начала до конца пролетело точно мягким ветерком. Со всеми, кого я встречал, у меня возникало полное взаимопонимание».

– напишет Вудхаус лет шестьдесят спустя и вряд ли преувеличит: «мягким ветерком пролетело» не только его детство, но и вся долгая жизнь. Почти вся – за вычетом разве что военных лет. И не потому, что жизнь складывалась так

уж легко, а потому, что такой уж он был человек – *смирный*.

Отдушин в Элмхёрсте, где Вудхаусов-младших, прямо скажем, не баловали (один раз, правда, свозили на цирковое представление в Лондон, в «Олимпию»), было две. Во-первых, поездки к многочисленным сестрам матери (подросший Вудхаус называл это «странствовать по теткам»), у которых братья гостили на каникулах, с регулярными визитами к бабушке, «высохшей старушенции, очень смахивающей на обезьянку». Своих теток Плам, по-видимому, любил не слишком, во всяком случае, вывел их спустя много лет в романе «Брачный сезон» в уморительном собирательном образе «пяти теток мистера Хаддока викторианского разлива»: «Шутка ли – очутиться в стае теть... этих злокачественных инфузорий»⁸.

И, во-вторых, чтение. С пяти лет Плам зачитывался Ф. Энсти («Шиворот-навыворот»), «Историей одного мальчика» Ричарда Джеффериса, «Илиадой» в переводе Александра Поупа и, конечно же, «Острове сокровищ». Тогда же, то есть совсем рано, начинает писать и сам, что также отражено в автобиографии:

*«Я с детства хотел быть писателем и приступил к делу лет в пять»*⁹.

⁸ «Брачный сезон». Пер. И. Бернштейн // П. Г. Вудхаус. Семейная честь Вустеров. Брачный сезон. Радость поутру. М.: Остожье, 1998. С. 248.

⁹ «За семьдесят». Пер. Н. Трауберг // П. Г. Вудхаус. Джентльмен без определен-

Пишет стихи, даже эпические (с орфографией, правда, пока не всё ладится):

О, что за скорбный день
убитые звери лижали
на поли сражения
в скорбной
тоске
Из ран вытикала
красная кровь
и с нею жизнь
быстро их пакидала.
А в лагире
лижали
тысячи мертвых салдат¹⁰.

А еще – короткие рассказы, сказки. Такую, например:

«Лет пять назад в лесу жил-был Дрозд. Свил он себе на тополе гнездо и пел так красиво, что все червяки выбрались из-под земли, муравьи отложили в сторону веточки, которые перетаскивали с места на место, сверчки перестали стрекотать, радуясь жизни. Да и мотыльки собрались

ных занятий. За семьдесят. Вильгельм Телль на новый лад. М.: Остожье (РПК), 2006. С. 222.

¹⁰ Роберт Маккрам. Жизнь Вудхауса (Детство). Фрагменты книги. Пер. А. Азова, И. Мокина // «Иностранная литература». 2012, 12. С. 13.

под деревом и, усевшись, стали его слушать. Дрозд пел и пел, пел и пел. Пел так, будто был на Небесах. И взлетал всё выше и выше. Когда же песня кончилась, Дрозд, тяжело дыша, спустился вниз. Спасибо, сказали ему все насекомые.

Подошла к концу и моя история.

Пэлем Гренвилл Вудхаус».

Поди узнай по этому тексту создателя Дживса, Вустера, лорда Эмсворта или пройдохи-журналиста Псмита. Первый литературный опыт Вудхауса больше, пожалуй, похож на сказку Оскара Уайльда или Андерсена – правда, с открытым финалом.

Имелась и третья отдушина – братья. А вернее, брат – Эрнест Армин. Со старшим же, Певерилом, Вудхаус никогда не был особенно близок – уж больно разная сложилась у них жизнь. Пев пошел по пути отца, тоже служил в Гонконге – и тоже в «правовой системе»: отец – в суде, сын – в полиции. Человеком Пев был, в отличие от Плама, правых взглядов (Плам – никаких), важничал и больше всего на свете любил рассказывать анекдоты. (Плам же, как и полагается истинному юмористу, терпеть их не мог.) Зато с Эрнестом Армином – и в детстве, и в дальнейшем – Плама связывала крепкая, братская дружба. Все эти «безродительские» годы они были неразлучны – и у мисс Роупер, и у старых дев в Элмхёрсте, и на острове Гернси, в колледже королевы Елизаветы, куда родители спустя три года перевели из Кройдона всех троих:

у Пева была слабая грудь, и морской воздух был ему показан.

«Пев – это еще понять можно, – недоумевал в беседе со своим первым биографом, американцем Дэвидом Джейсе-ном¹¹ Вудхаус. – Но мы-то с Армином с какой стати должны были ехать?»

Мы часто хотим походить на своих антиподов и постоянно с ними сходимся. Вот и Армину, впоследствии выпускнику Оксфорда, где он удостоился престижной Ньюдигейтской премии за лучшее стихотворение, профессору, одно время довольно известному поэту, спортсмену, пианисту, человеку неглупому, добродушному, любившему поесть и пошутить (в отличие от подтянутого, молчаливого Плама), – Вудхаус, особенно в детстве, во всем старался подражать. В том числе и в выборе колледжа. И тут Пламу сперва повезло меньше, чем брату. Армин был зачислен в престижный частный колледж в Далидже под Лондоном, а мечтательного книгочея, к тому же сильно близорукого Плама отец почему-то определил в училище Малверн-хаус под Дувром, где готовили в Дартмутский королевский военно-морской колледж. Почему, впрочем, понятно. Во-первых, потому, что сына он, по существу, не знал. Как, собственно, и сын его. А, во-вторых, Эрнест Вудхаус действовал по испытанному, хорошо известному и широко распространенному, хотя и не слишком ра-

¹¹ David A. Jasen. P. G. Wodehouse. Portrait of a Master. New York, 1981.

зумному принципу: «пускай его послужит», «всю дурь-то и выбьют», «сделают из него настоящего мужчину».

Эксперимент, как очень скоро выяснилось, не удался: дурь (если считать дурью запойное чтение и сочинительство) из Плама не выбили, настоящего мужчину не сделали, ну а лихого боцмана в заломленной бескозырке из него уж точно не получалось. Плам запросил у отца пощады, и Эрнест одумался. А Вудхаус со временем поквитается с Малверн-хаусом – пошлет туда учиться Берти Вустера под начало «козломордого школьного директора», преподобного Обри Апджона.

И 2 мая 1894 года Пэлем Гренвилл Вудхаус, двенадцати с половиной лет от роду, вновь соединившись с любимым Армином, поступает вслед за братом в Далидж-колледж.

Глава вторая. «Шесть лет блаженства»

1

А значит, впервые в жизни едет в Лондон. Основанный в начале XVII века, Далидж-колледж находился в живописном южном пригороде (а ныне почти в центре) английской столицы. В каких-нибудь пяти милях от Пикадилли, из верхнего окна главного здания колледжа в хорошую погоду виден был собор Святого Павла. «Благоухающим оазисом» среди лондонского хаоса назовет Вудхаус строгие краснокирпичные здания в ренессансном стиле в обсаженных каштанами аллеях.

Учились в Далидже, в отличие от Итона или Винчестера, закрытых школ для юных аристократов, дети британского чиновничества, в том числе и колониального. Родители Берти Вустера, к примеру, ни за что бы не отдали свое чадо в Далидж, Стэнли же Акридж вполне мог бы там учиться. При этом Далидж, строго говоря, был не закрытой, а «закрыто-открытой» школой. Мальчики (никаких девочек, разумеется!) могли в колледже жить, а могли, при наличии в Лондоне родственников или близких людей, утром туда прихо-

дить и днем после уроков уходить домой – потому-то такие школы и назывались (и до сих пор называются) «дневными», «day schools».

«Толстячок» («Podge»), как прозвали в Далидже Плама, был, как и колледж, «закрыто-открытым». Первые месяцы он жил в восточном Далидже на квартире у своего ассистента-преподавателя, в чьи обязанности входила подготовка новичка к школьным требованиям, но осенью, с началом семестра, перебрался в Айвихоум, один из четырех пансионатов колледжа, и стал полноценным boarder-ом, школьным постояльцем.

И сразу же вырос в глазах учеников, смотревших на «дневных мальчиков» свысока – «маменькины сынки», слишком, мол, легкой жизнью живете, не нам чета. Вырос и еще по ряду причин. Во-первых, Плам был старше большинства соучеников, он вообще рано возмужал, повзрослел (жизнь без родителей?), хотя взрослым так никогда и не станет – типичный Питер Пэн. Во-вторых, слыл хоть и добродушным, но физически крепким и мог при желании (желание возникало редко) дать сдачи. Он уже тогда любил пошутить, юмористов же – не любят: засмеют еще... «Если они шутят, – писал в автобиографии, оглядываясь на школьные годы, Вудхаус, – их считают идиотами. Если же склонны к злословию, то вредными. И тех, и других быют». Вудхауса не били:

«Сам я как-то уберегся, может быть – потому что весил 12 стоунов¹² с лишним и неплохо боксировал...»¹³.

В-третьих, умел держать себя в руках, не давал себе распускаться – а это ценится в любом общезжитии, от школьного до лагерного. И, в-четвертых, находился под неусыпной защитой старшего брата, который, напишет Вудхаус в одном из своих ранних рассказов, «не давал мне лезть на рожон и не спускал с меня глаз, точно полицейский».

Что скрашивало жизнь Вудхауса в закрытой школе, которая – мы хорошо себе это уяснили, читая английскую литературу, – далеко не сахар? Достаточно вспомнить того же Киплинга, Моэма, Грэма Грина, очень многих, с трудом переносивших ее тяготы, сохранивших в памяти до конца дней страдания, страхи, унижения от дедовщины, не меняющихся веками бытовых неурядиц и палочной дисциплины. Скрашивали три вещи: дружба, чтение, спорт.

Друг появился очень скоро – Уильям Таунэнд. Хилый, глуховатый, близорукий, как и Вудхаус, – про таких говорят: «бледная немочь». Бездарный художник, плодовитый, но до-

¹² Стоун (англ. stone; букв. «камень») – британская единица измерения массы, равная 14 фунтам или 6,35 килограммам. Исторически в Великобритании и Ирландии была единицей веса мяса, сыра, овощей, шерсти и т. п.; при этом ее значения могли сильно различаться в зависимости от города и от типа взвешиваемого товара. До наших дней используется в бытовой практике как единица массы тела человека. Таким образом, вес Вудхауса в то время составлял примерно 77 кг.

¹³ «За семьдесят». С. 255.

вольно слабый писатель и верный друг, Таунэнд боготворил Плама, тянулся к нему и всю жизнь был ему предан. А Вудхаус в ответ на его преданность и нескончаемые похвалы помогал другу сводить концы с концами, оказывал не только материальную, но и моральную поддержку и давал ему литературные советы, которые, впрочем, далеко не всегда шли Таунэнду впрок. Ну и делился, конечно же, самым сокровенным; человек закрытый, только для друга Плам делал исключение. Друзей, как известно, много не бывает – иначе какие ж это друзья? Вот и у Вудхауса друг на протяжении всей его долгой жизни был, в сущности, только один – Уильям Таунэнд. Гай Болтон, Пол Рейнолдс, Маккейл, с которыми «по работе» Плам будет связан гораздо больше, чем с Таунэндом, и которые, как правило, будут не хуже Таунэнда осведомлены о его делах, на друзей, тем не менее, «не тянули»; это приятели, товарищи, коллеги – никак не друзья. Полушутливый-полусерьезный тон («Смеюсь над тобой, но ведь и над собой тоже») Вудхаус будет позволять себе только в письмах Таунэнду.

С чтением тоже всё обстояло благополучно: неподалеку от колледжа, на железнодорожной станции «Вест-Далидж», имелась книжная лавка, а в ней – свежие номера популярнейшего «Strand Magazine» с очередным приключенческим романом Райдера Хаггарда или с вожаемым Шерлоком Холмсом.

Спортивная жизнь Вудхауса в колледже – бег по пересе-

ченной местности, бокс, крикет – тоже складывалась лучше некуда. Плам, даром что рассеянный, задумчивый, с виду нескладный «толстячок», отлично бегал, превосходно играл в крикет, занимал первые места в соревнованиях по прыжкам в высоту. И, несмотря на сильную близорукость, бесстрашно и умело боксировал, играл в футбол, был членом команды, которая в 1900 году выиграла первенство колледжей графства по регби. Неслучайно его литературным дебютом явился подробный и, понятно, остроумный отчет в школьном журнале о футбольных матчах за Юниорский кубок (1894). И не только играл в регби и футбол, но и неистово, до самой старости болел за крикетную и футбольную команды своей alma mater. Спортивные успехи Далиджа представляли для него куда больший интерес, чем, скажем, вопросы внешней политики («Я всегда отличался социальной отсталостью»), что ему и самому казалось несколько странным.

«По-твоему, разве не странно, что если сегодня я о чем и думаю, то не о судьбах мира или о судьбе моей собственной? А о том, что у Далиджа в этом году неплохие шансы одержать верх во всех школьных матчах и тем самым побить рекорд 1909 года», – признаётся он, уже 65-летний, в письме Таунэнду 20 ноября 1946 года.

Вудхаус, однако, не был бы Вудхаусом, не отдавай он себе

отчет в этой своей слабости – или, как писал Оруэлл в 1945 году в статье «В защиту Вудхауса», «одержимости своей старой школой».

*«Я являю собой наглядный пример задержки развития. Умственно, сдается мне, я с восемнадцатилетнего возраста не продвинулся ни на шаг».*¹⁴

2

Еще как продвинулся. В Далидже успехи в боксе, крикете и регби сочетались у него с ничуть не менее впечатляющими успехами в изучении классических дисциплин. Плам читал в подлиннике Эсхила, Аристофана, Платона, летом 1897 года был даже награжден стипендией в размере 10 фунтов (сумма, во всяком случае для школьников, по тем временам немалая) для «более глубокого освоения классических дисциплин». Недюжинной эрудицией он со временем «поделиться» со своим любимым Дживсом, у которого имелись цитаты из классики на все случаи жизни. Читал, разумеется, не только античную литературу; настольными книгами, помимо печатавшегося в «Strand» занимательного чтения и стихов любимых Браунинга и Теннисона, были «Пиквикский клуб» Диккенса, «Трое в лодке, не считая собаки» Джеро-

¹⁴ «Дрессированная блоха» (см. с. 298–302).

ма К. Джерома, рассказы Гектора Манро – не эти ли авторы привили ему вкус к литературе смеха?

Имелось у Вудхауса еще одно увлечение – комические оперы Гилберта и Салливана. Не раз – в одиночестве или вместе с Таунэндом и Армином – отправляется он на другой конец города послушать «Пейшенс»¹⁵ и другие знаменитые оперетты в «Савойе» и в «Хрустальном дворце» – не всё же корпеть над Фукидидом (которого мальчики окрестили Ть-фукидидом), Чосером или «Королевой фей».

«Я тогда думал, – напишет он много позже про «Пейшенс», – что лучше ничего на свете не бывает. Сума сходил от радости».

Своим наставникам он нравился – не столько даже громкими академическими успехами, сколько покладистостью, выдержкой, похвальной дисциплинированностью. Таких, как Плам, в Англии называют «серединкой класса», а у нас – «крепкими хорошистами». О том, что «Толстячок» был крепок, мы уже говорили. «Хорошистом» же его можно назвать не только потому, что учился он на «хорошо», но и

¹⁵ «Пейшенс, или Невеста Банторна» (англ. «Patience; or, Bunthorne's Bride») – комическая оперетта в двух действиях композитора Артура Салливана и либреттиста Уильяма Гилберта, в основе которой – сатира на эстетическое движение в Англии 1870-х – 1880-х годов. Премьера состоялась 23 апреля 1881 г., а в октябре того же года в новом театре «Савой» она стала первой театральной постановкой в мире, полностью освещенной электрическим светом.

потому, что был со всеми *хорош*, ладил и с одноклассниками, и со старшеклассниками (что не просто). И – скажем, забегая вперед, – всю жизнь будет, не слишком себя утруждая, ладить со всеми, от одноклассников, сослуживцев и соавторов до немецких солдат и надзирателей во французских и бельгийских тюрьмах и лагерях. «Самый важный человек в школе», – говорил про Вудхауса, имея, вероятно, в виду его «покладистость», восторгавшийся им Таунэнд.

Хорош Плам был и с учителями. Особенно с тремя. И каждый из этой славной троицы сыграл в жизни Вудхауса немалую роль. Все трое были не просто учителя, а воспитатели, наставники, какими часто бывают носители гуманитарных знаний и гораздо реже – знаний естественных.

Появление в классе Филипа Хоупа, преподавателя латыни и греческого и, по совместительству, главного библиотекаря колледжа, не могло не вызывать у учащихся громоподобный хохот. Ураганом врываясь в класс, Хоуп, точно клоун в цирке, балансировал десятками книг, которые неизменно нес в обеих руках и то и дело ронял. Особой ловкостью он и правда не отличался, зато виртуозно владел искусством перевода латинских и греческих авторов на английский и обратно – это благодаря ему Вудхаус выучился с легкостью, почти как по-английски, писать на древних языках, что, впрочем, в жизни ему пригодится не слишком.

Директор Далиджа Артур Герман Гилкс («один из величайших директоров всех времен и народов», – отзывался о

нем Вудхаус) был, во всяком случае внешне, антиподом низкорослого, нескладного Хоупа: двухметрового роста, косая сажень в плечах, густая, до пояса, белоснежная окладистая борода. Признанный школьный авторитет, Гилкс неустанно и бескомпромиссно боролся за чистоту английского языка, искоренял богохульство и как-то заявил одному ученику, что предпочитает «увидеть его в гробу, чем услышать из его уст хоть одно бранное слово». Изъяснялся Артур Гилкс высокопарно (и учил высокопарно изъясняться своих воспитанников), что Вудхаус высмеет в своем «венце творения» – образе интеллектуала-дворецкого Дживса. Мальчикам, с которых Гилкс строго спрашивал, он внушал страх и его производную – уважение. Английскую литературу директор знал досконально, мог страницами цитировать по памяти «Sartor Resartus» Карлейля. Читал классику вслух – увлеченно, размахивая руками и при этом зорко поглядывая, не задремал ли кто из его паствы...

Но самое, пожалуй, большое значение в творческой жизни Вудхауса имел его классный руководитель Уильям Бич Томас. Совмещая преподавание в Далидже с журналистикой, Томас печатался в «Globe», крупнейшей лондонской вечерней газете тех лет, для которой много позже, во время Первой мировой войны, он будет писать военные корреспонденции с фронта, за что удостоится рыцарского звания. В 1903 году, когда Далидж и для Томаса, и для Плама был уже вчерашним днем, он приохотил своего бывшего ученика к ра-

боте в газете, к регулярному литературному труду.

Впрочем, кое-какой литературный опыт у Вудхауса имелся уже и в Далидже. Правда, главным образом не в прозе, а в поэзии. В феврале 1899-го он сочиняет оду «На строительство нового поля для регби», а спустя полгода, незадолго до окончания колледжа, – комические стишки в духе своего любимца, поэта-либреттиста Гилберта, под названием «О чисто гипотетических лицах», в которых ратует за вступление в школьный клуб «Аллейн» – какая закрытая английская школа без клуба! Обойдется вступление подписчику, убеждает Вудхаус в своем поэтическом пиаре, всего в каких-то 5 шиллингов в год – не разорительно:

Неужто пять шиллингов много? –
Поплачь от души и посетуй.
Напиши: «Разорен». Написал?
А теперь отнеси в газету.

Духоподъемный, хотя и не слишком складный стишок, напечатанный в газете «Аллейнианец», литературном органе клуба, имел успех, равно как уже упоминавшиеся отчеты в прессе о футбольных матчах местной команды.

Где стихи, там и песни. «Толстячок» увлеченно поет сольно на концертах в актовом зале колледжа, особенно удалась ему «Песня критинянина Гибрия» на слова Томаса Кэмпбелла, и хотя впоследствии падчерица Плама уверяла, что слух и голос у ее отчима напрочь отсутствуют, он неизмен-

но срывает аплодисменты. Поет и хором – в спектакле по «Лягушкам» Аристофана, а также в оперетке всё тех же Гилберта и Салливана «Розенкранц и Гильденстерн». А еще пишет эссе – по преимуществу комического содержания. За одно из них – «Что требуется от капитана команды?» – получает в 1898 году премию журнала «Public School Magazine» величиной в полгинеи. И тщательно ведет счет своим пока еще скромным литературным заработкам в толстой тетради, торжественно озаглавленной: «Деньги, заработанные литературным трудом». Колонки цифр предварял эпиграф из «Иоланты» Гилберта:

Я с детства роскоши не знал,
Но уверять готов вас непреклонно:
Я, право, интеллеktуал
И мыслю совершенно нешаблонно¹⁶.

Разносторонне одаренному Пламу бурно аплодируют в конце девяностых не только соученики и учителя – аплодируют ему и родители. Эрнест и Элеонор уже четыре года как вернулись из Гонконга, родили четвертого сына, сняли дом в Далидже, поближе к двум старшим сыновьям (самый старший, Пев, по-прежнему учится в Элизабет-колледже), и Плам без особого, прямо скажем, желания переезжает из любимого колледжа к родителям. И вновь становится «днев-

¹⁶ Пер. И. Мокина.

ным мальчиком»: не живет в школе, а посещает ее. Впрочем, ненадолго: в 1896 году родители из Далиджа переезжают в городок Стейблфорд на юго-востоке Шропшира, в «Старый дом» – особняк XVII века. В «Старом доме» Вудхаус гость не частый, однако возвращается в своих книгах туда постоянно: замок Бландингс, считается, списан с него.

3

Меж тем пребывание Вудхауса в Далидже подходит к концу, и всем, в том числе и самому Пламу, совершенно ясно: с его способностями, знанием древних языков и спортивными успехами ему прямая дорога в Оксфорд или в Кембридж.

«Оксфордская стипендия, – заявляет он в сентябре 1899 года полушутя-полусерьезно своему школьному приятелю Эрику Джорджу, – у меня в кармане. Я же гений. Гений, и всегда знал это».

И потом, рассуждает Вудхаус, раз Армин поступает в Оксфорд, значит, поступлю и я – чем я хуже? Раз Армин получил стипендию в оксфордский колледж Тела Христова, значит, получу ее и я.

Но, как любят выражаться авторы душещипательных романов, «судьба рассудила иначе». В данном случае, правда, не столько судьба, сколько Эрнест Вудхаус. Чем он руковод-

ствовался, заявив сыну, что в Оксфорде тот учиться не будет вне зависимости от того, получит он стипендию или нет, сказать трудно. Едва ли это был вопрос денег: пенсия чиновника – 900 фунтов в год – с лихвой позволяла бывшему гонконгскому судье учить детей в Оксбридже, как называют в Англии одним словом Оксфорд и Кембридж. Больше 100–150 фунтов в год он бы в любом случае на каждого из сыновей не потратил, к тому же и Далидж давал своим выпускникам нечто вроде «выпускного пособия» – 30 фунтов единовременно. Скажем, забегая вперед, что справедливость – правда, спустя почти четыре десятилетия – всё же восторжествовала: за пару месяцев до начала Второй мировой войны Вудхаус, уже знаменитый писатель, был удостоен почетной докторской степени оксфордского колледжа Святой Магдалены.

Не подозревая, что в Оксфорде ему – в отличие от Армина, что вдвойне обидно, – будет отказано, Плам весь последний семестр в Далидже в надежде получить стипендию трудился в поте лица.

«В последнем классе я вскакивал ни свет ни заря, съедал два-три печенья и трудился, словно бобер, над Гомером или Фукидидом... Я был набит классикой»¹⁷.

Когда же суровый вердикт был вынесен, он, как и при всех

¹⁷ «За семьдесят». С. 217.

невзгодах, выпадавших на его долю (каковых, впрочем, набралось не так уж много), отшутился.

Сначала, по свежим, так сказать, следам, – в одном из ранних своих романов «Псмит в Сити» (1910), в сцене, где Майк Джаксон, закадычный друг авантюриста и прохвоста Псмита, вызывается в кабинет отца и узнаёт печальные новости:

«Майк тупо посмотрел на отца. Всё это могло означать только одно: двери университета для него закрыты. Но почему? Что произошло?»

– Я что же, не иду в Кембридж, отец? – заикаясь, выговорил он.

– Боюсь, нет, Майк... Не стану вдаваться в подробности... но за то время, что мы не виделись, я потерял немалую сумму. Такую большую, что нам с тобой придется затянуть пояса. Как бы не пришлось тебе самому зарабатывать на жизнь. Я знаю, ты будешь сильно разочарован этой новостью, старина...

– Что ж, ничего не поделаешь, – глухо отозвался Майк. В горле у него стоял ком.

– Может быть, я мог бы...

– Нет-нет, отец, всё в порядке, я ничуть не в обиде. Ты ведь потерял кучу денег – очень тебе сочувствую».

Отличный получился автошарж, ведь Вудхаус, как и его герой Майк Джаксон – образцовый сын, к тому же он всегда,

при любых обстоятельствах, держится молодцом, stiff upper lip, как говорят англичане. И, что тоже немаловажно, умеет себя утешить, во всём, даже самом плохом, безотрадном – разглядеть положительные стороны. Сказал же он на старости лет Тому Шарпу, представителю, как и Вудхаус, английской литературы смеха:

«Пойди я в Оксфорд, писатель из меня никогда бы не получился».

А потом, спустя много лет, отшутился на ту же тему и в автобиографии:

«Время вступительных экзаменов приближалось, но рупия (отец получал зарплату в рупиях) вновь потеснила фунт стерлингов, и мой отец, по всей видимости, счел, что пребывание в университете сразу двух сыновей его кошелька не осилит, и придется одним сыном пожертвовать. Так Образование сдалось на милость Коммерции».

Что сказал Вудхаус-старший Вудхаусу-младшему во время их памятной встречи, да и была ли она; как отец объяснил сыну, почему в Оксфорд идет Армин, а Плам не идет, и по какой причине «Образование сдалось на милость Коммерции», – мы не знаем. Да и так ли уж важно, какие аргументы нашел Эрнест Вудхаус в разговоре с сыном? Как говорил

мистер Винс, персонаж раннего рассказа Вудхауса «Руфь на чужбине» (1912): «Объяснения – это зеро на рулетке жизни»¹⁸.

Зато мы знаем, что бывший гонконгский судья, воспользовавшись своими связями, определил сына – пренебрегая всеми его академическими, творческими и спортивными увлечениями и успехами, – мелким клерком в лондонское отделение Гонконгского и Шанхайского банка на Ломбард-стрит. Банка, который в романе «Псмит в Сити» и в рассказе 1911 года «В отеле “Алькала”» фигурирует как Новый Азиатский банк, и который поистине стал «зеро на рулетке жизни» английского юмориста.

Прощай, любимый Далидж! Прощайте, Армин и Тьфукидид! Как поется в песне: «Я не хотел, я не хотел, но мне, увы, пришлось...»¹⁹ Грустно, конечно, но Плам не тужит – иначе не написал бы такой вот стишок:

Вот что отец ему сказал
Без ласки и заботы:
Забудь, сынок, про универ,
Иди, сынок, работай²⁰.

¹⁸ «Руфь на чужбине». Пер. С. Кузнецова (Ссмита) под ред. Н. Трауберг // П. Г. Вудхаус. Дживс и феодальная верность. Приключения Салли. Ранние рассказы. Вудхаус на войне. М.: Остожье (Профобразование), 2003. С. 411.

¹⁹ «За семьдесят». С. 217.

²⁰ Пер. И. Мокина.

Глава третья. «Отвратительная тайна», или «Я знал, что у меня получится»

1

В Далидже – так, по крайней мере, теперь казалось – можно было всё. В Гонконгском и Шанхайском банке (который сотрудники прозвали «Шайки-Гонки») – ничего. Нельзя было опаздывать ни на минуту. За опоздание в первый раз полагалось устное внушение, во второй – выговор; если же сотрудник банка позволял себе приходить на работу с опозданием три раза в месяц, его лишали рождественской прибавки, что при мизерной зарплате мелкого клерка было весьма чувствительно. Нельзя было в рабочее время курить и читать газету, нельзя было задерживаться после чаепития: максимальный срок перерыва на чай – 10 минут. Тем более нельзя было задерживаться после ленча, который при зарплате Плама 3 фунта, 3 шиллинга, 10 пенсов в неделю ограничивался рогаликом с маслом и чашкой кофе – о стейке с картофелем в столовой Далиджа следовало забыть. Нельзя было являться на работу в чем придется. Предписаны: пиджак, застегнутый на все пуговицы, строгий галстук, отутюженная

сорочка, высокие, до блеска начищенные штиблеты и белый стоячий воротничок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.